

Современная экономика Монгольской республики

Новый путь революционной Монголии

Монгольская народная республика насчитывает всего три с лишним года своего существования. Она была провозглашена Монгольским народным правительством (5/VI 1924 г.) после смерти „Многими Возведенного“ — теократического монарха Автономной Монголии,¹ и затем этот акт был санкционирован Первым Великим Хуралданом 26 ноября того же 1924 года.

Однако, процесс высвобождения Монголии от внешних колонизаторских пут, задерживавших развитие ее народного хозяйства, фактически начался за много лет раньше, еще до революции 1911 г., приведшей к образованию так называемой Автономной Внешней Монголии.

Попавшая в период борьбы Советской России с сибирской контрреволюцией в фокус интриг и столкновений японо-китайско-белогвардейских интересов, Монголия в конце 1919 г. лишается своей автономии, и захватывается аньфуистским (японофильским) генералом Сюй-Шу-Чженем так называемым Маленьким Сюем. В начале 1921 г. Монголия захватывается белогвардейским диктатором бароном Унгерном, который намеревается превратить ее в плацдарм для борьбы за восстановление монархий в Китае, в России и тронов на Западе.

Все эти нашествия превратили Монголию в настоящий театр военных действий, которые тяжело отозвались на хозяйстве арата (пастуха). Бесчеловечно-жестокый диктаторский режим Унгерна, измена Богдо-хана и высшей интеллигенции, которые почти добровольно отказались от автономии (1919 г.), угроза восстановления аннулированных в 1911 г. ростовщических китайских долгов, — сделали свое дело и снова пробудили чувство национального протеста, застывшее после революции 1911 г. Пример Великой Октябрьской революции и присутствие Красной армии у границ Монголии толкнули монголов на активные действия. Образовав в марте 1921 г. временное народно-революционное правительство и обратившись за помощью к Советской России, монгольские повстанцы занимают Ургу (июнь 1921 г.) и прогоняют Унгерна. Продолжая борьбу с остатками белобандитов, революционное правительство независимой Монголии занимается полной реорганизацией национально-государственной жизни и ее демократизацией: оно отменяет феодальные привилегии и полукрепостную зависимость $1/3$ населения от феодалов и теократов, вводит

¹ После революции 1911 г. глава монгольской церкви Ургинский Богдо-Геген, по верованиям монгольских ламайтов, 8-й перерожденец одного из учеников Сакиа-Муни — святого Джебцун-Дамба-Хутухты, был коронован Великим ханом под титулом „Многими Возведенного“.

демократическое самоуправление и прочие политические реформы, которые в корне революционизировали социально-классовую базу центральной и местной власти. Затем оно принимается за чисто-хозяйственные мероприятия, как-то: улучшение ветеринарного, таможенного, налогового дела и т. п. реформы, которые имеют своей целью подъем народного хозяйства и направление его на путь свободного и независимого развития.

По своим условиям производства (как природным, так и исторически-техническим) Монголия меньше всякой любой страны может вести замкнутое хозяйство и не прибегать к международному обмену. Это объясняется тем, что основой монгольского хозяйства является экстенсивное, почти первобытное скотоводство, при очень слабом развитии ремесел и промыслов и карликовом земледелии. Для иллюстрации сказанного достаточно привести следующие цифры национального богатства и дохода Монголии, исчисленные И. Майским во время экспедиции Центросоюза в 1919—20 гг. Из общей суммы национального богатства всей страны в 250 млн. дов. руб. на скот приходится 132 млн. руб., а общая сумма ежегодного валового национального дохода, равная 74,5 млн. руб., составляет из продуктов скотоводства (42,5 млн. руб.), валового прироста скота (14 млн. руб.), извозного промысла (10 млн. руб.), продуктов звероловства и др.—8 млн. руб.¹

При таком положении Монголия вынуждена производить обмен своего сырья (шерсти, кожсырья, мяса и т. п.) на пищевые и промтовары личного потребления, привозимые извне. Эта зависимость от импорта в значительной мере прочищала путь китайскому торговому капиталу, который своими хищническими торговыми барышами и ростовщическими процентами на кредит разорял монгольское хозяйство и задерживал культурное развитие населения.

Поэтому неудивительно, что экономическая установка новой Монголии в вопросе о путях развития народного хозяйства была с самого начала связана с торговой политикой, особенно внешней. Понимая, что коренное изменение или улучшение способов и форм хозяйства кочевого скотоводства, развитие своей промышленности или земледелия в широких размерах является процессом очень длительным, правительство обращает главное внимание на регулирование и направление внутренней и внешней торговли по такому пути, который содействовал бы развитию монгольского хозяйства. С первых же дней своего существования Министерство финансов организует соответствующий аппарат—Монгольский народный кооператив (декабрь 1921 г.), который по словам докладчика о Монценкопе на I Великом Хуралдане „должен был бороться с засильем иностранных капиталистов путем поднятия народного хозяйства страны, закупок хороших и дешевых товаров, путем продажи сырья в первые руки, а также путем организации собственных предприятий для обработки монгольского сырья“.

Определенные указания о направлении экономической политики и торговых путей мы находим в постановлениях I Великого Хуралдана и в тексте Монгольской конституции. Так, в п. 3 первого раздела ее имеется специальное постановление об аннулировании „задолженности частных лиц и учреждений иностранным ростовщикам, образовавшейся

¹ И. Майский, „Современная Монголия“, стр. 230—231, Иркутск, 1921 г.

со времени иностранного господства на основе круговой поруки“ (п. 3 в). В этом же пункте устанавливается сосредоточение в руках государства единой хозяйственной политики страны и введение государственной монополии внешней торговли, которую следует „вести постепенно, по мере возможности“ (п. 3 г и примечание).¹

В резолюциях по отчету Министерства финансов (Министерства народного хозяйства еще тогда не было), в которых эта общая линия конкретизируется и уточняется, мы читаем: „Сохраняя частнохозяйственные отношения и частную инициативу, Монгольская народная республика в то же время должна стоять за развитие начал государственного капитализма (концессия, аренда, кооперация и др.)“.²

... „Одной из важнейших отраслей хозяйственной жизни Монголии считается торговля. От умелого урегулирования внешней и внутренней торговли, от правильной организации и сбыта населением продуктов своего производства и приобретения необходимых заграничных фабрикатов, от государственного урегулирования цен на продукты и товары и постепенного ослабления роли частного торгово-ростовщического капитала, наживающего пока что на этом деле огромные прибыли,— зависят судьбы дальнейшего развития хозяйства страны и укрепления самой Монгольской республики“. Как вывод из этого положения предлагается „политика всемерного развития государственной и кооперативной торговли за счет ослабления частной путем свободной конкуренции в торговле“, постепенное сосредоточение в руках государственной власти всей банковско-кредитной политики, развитие ее и постепенное вытеснение частно-ростовщического капитала. „В области внешней торговли необходимо всю импортно-экспортную политику постепенно сосредоточить в руках государства“ и... „по линии внешней торговли во взаимоотношениях Монголии с СССР нужно добиваться осуществления тесной смычки и взаимной поддержки“.³

В этой же резолюции Монценкоп характеризуется как одна из „важнейших организаций по пути овладения государственной властью торгово-производственной жизнью страны“.

Таким образом, центром хозяйственного регулирования на ближайший период является задача овладения торговлей, а основная задача последней, в свою очередь, заключается в реализации продуктов главного богатства страны—скотоводства—таким путем, чтобы на внешнем рынке получить полный импортный эквивалент, который не только удовлетворял бы личное потребление населения, но давал бы сверх того возможность оплодотворять хозяйство страны, улучшать его, расширять и развивать. Отсюда уже вытекает конкретная программа действий по государственному регулированию торговли—создание и развитие аппарата для овладения рынком и вытеснения из него частного капитала (иностранного и национального). С этой основной задачей связана политика не только изгнания торгового посредника-иностранца и других проводников империалистского влияния, как-то: иностранной валюты, иностранного кредитора, но и задача по созданию своей национальной валюты и собственных

¹ „Протоколы I Великого Хуралдана“, бюллетень полпредства СССР, № 26, стр. 241—242, Улан-Батор-Хото, 1925 г.

² Там же, стр. 228.

³ Там же, стр. 233—236.

кредитных учреждений. Этими задачами также объясняется взятая Монголией линия на постепенное, но твердое отклонение старых и в период гражданской войны (1917—20 гг.) снова укрепившихся торговых путей в направлении Китая — и стремление направить их в сторону дружественного СССР.

Указанные три взаимно связанные задачи являются, по нашему мнению, основными моментами нового пути развития республиканской Монголии.

Показатели развития хозяйства

Проследить, как развивались важнейшие отрасли народного хозяйства Монголии за все время ее независимого существования, едва ли представляется возможным. Первые годы после революции 1921 г., несмотря на наличие регулирующего и организующего момента в хозяйственной жизни, не могут быть показательными, так как они были годами гражданской войны, политических потрясений и хозяйственной разрухи. В эти годы производилась ломка прежнего феодально-теократического и закладывались начала нового государственно-управленческого аппарата как в центре, так и на местах. Помимо того, только в последние годы начинает вводиться учет, общая и таможенная статистика, которые и в настоящее время еще не могут представить точных данных. Достаточно для характеристики состояния учета в Монголии указать на то обстоятельство, что министр финансов Дорджи Мейрен в своем докладе Великому Хуралдану (в ноябре 1924 г.) не дает цифры выгона скота и вывоза сырья, а на официальный запрос одного из делегатов отвечает: „Сведений о количестве экспортируемого за границу скота в Минфине нет“. Поэтому нам придется ограничиться цифрами за последние несколько лет, хотя и не совсем точными, но все же достаточными для установления динамики монгольского народного хозяйства за последнее трехлетие.

Общее количество скота всех видов, по исчислениям И. Майского, составляло к моменту переписи 1918 г. около 13.000.000 голов. По отдельным видам это количество распределялось следующим образом: выравнять лошадей — 1.500.000, верблюдов — 300.000, крупного рогатого скота — 1.400.000, овец и коз — 9.500.000, а всего — 12.700.000 голов.

Согласно материалам переписей 1924—1926 гг., мы имеем дальнейшее заметное увеличение количества скота. Общее количество скота, если исходить из цифр последней переписи августа 1926 г., будет составлять в 1927 г. около 20.000.000 голов скота всех видов, что дает 55 с лишним процентов чистого прироста против 1918 г., т.е. в „среднем“, начиная с первой переписи 1918 г., до 7% в год.

В переводе на одну душу собственно-монгольского населения (кроме китайцев и европейцев) среднее количество скота дает также увеличение. Так, в 1918 г. мы имеем 12,7 млн. голов скота всех видов на 550 тыс. (приблиз.) монголов, т.е. по 23,1 голов на душу населения, а в 1926 г. — 19,8 млн. голов на 690 тыс. монголов, т.е. 28,5 голов на душу. Таким образом, можно бы считать увеличение дохода на 1 душу в 19%¹, если пренебречь тем обстоятельством, что в общее количество скота входят разные его виды, в разных пропорциях и соотношениях за разные годы.

Более правильное представление о действительном росте скота можно получить при приведении всего скота к общей „единице скота“ — к „бодо“, т.е. податной единице, равной 1 голове крупного скота, или 10 баранам, или $\frac{1}{2}$ верблюда.

В этом случае получается следующая картина движения скота:

1918 г.	3.404.998 бодо
1924 „	3.794.200 „
1925 „	4.363.800 „ ¹
1926 „	4.987.000 „

Последние два года дают ежегодное увеличение на 15%⁰: 1925 г. против 1924 г., а 1926 г. против 1925 г. Этот прирост, во много раз превосходящий процент прироста, установленный Майским (3,5%⁰), в значительной мере объясняется исключительно благоприятными условиями зимовки 1925/26 г. и в гораздо меньшей степени мероприятиями государственного характера. Это обстоятельство не ослабляет, однако, значения такого большого увеличения скота для дальнейшего роста народного хозяйства.

За отсутствием данных о движении национального богатства страны в целом, обратимся к импортно-экспортному рынку и общему торговому обороту страны.

И. Майский, на основании исчисленного им бюджета средне-монгольской семьи, устанавливает общую потребность Автономной Монголии в импортных товарах приблизительно в 18,8 млн. дов. рублей. Свободный экспортный фонд сырья и скота, которые „страна в состоянии отдать за границей“, он определяет в 13,6 млн. дов. руб. Прибавляя к этим цифрам потребление китайского и европейского населения (более 100.000 чел.) и погашение доходами от извоза и личного труда избытка импортной стоимости над экспортной, Майский заключает: „Таким образом, общий оборот внешней торговли Автономной Монголии достигает приблизительно 48—50 млн. руб. в год.“²

На основании исчислений, произведенных над более точными (относительно) данными доходов от таможен,³ движение товарооборота можно представить в следующем виде:

Торговые балансы за 1923—1926 гг.
(В млн. мексдолларов)⁴

Годы	Импорт	В % ⁰ / ₀ к пред. году	Экспорт	В % ⁰ / ₀ к пред. году	Общий оборот	В % ⁰ / ₀ к пред. году	Актив + пассив —
1923	14,2	—	19,5	—	33,7	—	+ 5,3
1924	21,9	154,2	20,3	104,1	42,2	125,2	— 1,6
1925	24,7	112,8	23,8	112,3	48,5	114,9	— 0,9
1926	23,1	93,5	24,3	102,1	47,4	97,7	+ 1,2

¹ „Хозяйство Монголии“, 1926 г. № 6, ст. Д. М., стр. 1, Улан-Батор-Хото.

² И. Майский, „Современная Монголия“, стр. 184. Очевидно, автор под „общим оборотом внешней торговли“ понимает не товарооборот в узком смысле слова, а платежный баланс. З. Б.

³ См. журн. „Хозяйство Монголии“, №№ 1—7, 1926—1927 гг. Методология разработана в № 1 в ст. Д. М.

⁴ Мексдоллар равен, примерно, 1 черв. руб. За последние годы цена его сильно падала; так, в январе 1926 г. она равнялась 0,54 амер. долл., в январе 1927 г. — 0,44 амер. долл. а в январе 1928 г. — 0,45 амер. долл.

Эта табличка показывает резкий подъем импорта в первые годы освобождения монгольского хозяйства от внутренних и внешних пут, который очевидно полностью исчерпал накопления за эти годы, и в дальнейшем проявляет уже тенденцию к временной стабилизации. В то же время она определенно говорит о менее резком, но неуклонном росте экспорта, который начинает превалировать над импортом и дает в 1926 г. активный баланс в 1,2 млн. мексдолларов.

Что касается изменений внутренней структуры торгового баланса за последние годы, то их можно видеть из следующей таблички, указывающей процентное соотношение между импортом и экспортом внутри суммы общего оборота.

	Структура балансов (в % к общему обороту)			
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Экспорт	57,9	48,1	49,1	51,3
Импорт	42,1	51,9	50,9	48,7
	100,0	100,0	100,0	100,0

Эти цифры показывают, что экспорт проявляет тенденцию к увеличению, а импорт соответственно к уменьшению своей доли внутри общей суммы внешнего товарооборота. 1924 и 1925 гг., несмотря на то, что в общем они давали пассив — 1924 г. на 1,6 млн. мексдолл., а 1925 г. на 0,9 млн. мексдолл., были все же выражением стихийной тенденции монгольского хозяйства к выравниванию экспорта с импортом.

Однако, одни цифры торгового баланса еще недостаточны для характеристики состояния народного хозяйства. Для этого необходимо остановиться на анализе движения цен и на соотношении цен на экспортные и импортные товары.

Не считая возможным приводить длинные ряды индексов,¹ ограничимся сравнением средне-месячных индексов за 1925 и 1926 гг. Средний импортный индекс поднялся за 1926 г. на 11,4 (119,3 — 107,9) пунктов, в то время как экспортный за тот же период поднялся на 16,9 (144,5 — 127,6) пунктами, т.е. в среднем за 1926 г. цены на сырье, несмотря на начавшееся с 1926 г. их падение, все же выросли больше, чем цены на ввозимые предметы личного потребления против цен 1925 г.

Указанное выгодное соотношение цен для сырьевых товаров не меняется также при очищении индекса от курсовых изменений денег за этот период. Так как товарные цены выражены в серебряных долларах, которые претерпевали резкие колебания, благодаря падению цен на серебро в рассматриваемый нами период, то требуется предварительное внесение некоторых коррективов в исчисленные индексы, для того чтоб сделать их сравнимыми.

Средне-месячный индекс серебра за 1925 г. равняется 96,6 пунктам, а в 1926 г. — 111,2 пунктам. Так как индексы выведены на основании стоимости амдолларов в мексдолларах, т.е. золота в серебре, то индекс 96,6 означает, что золото в серебре подешевело или (что то же) серебро поднялось в цене на 3,6 пункта против своей цены в момент установления базы индекса, а индекс 111,2 означает, в свою очередь, что серебро

¹ См. „Хозяйство Монголии“, 1926 г., № 4—5, где в ст. И. Гаврилова приводится методология исчисления индексов Монголо-Советского Делового Клуба и приводятся сами индексы до октября 1926 г.

в 1926 г. пало в цене на 11,2 пункта. Следовательно, для очищения товарных индексов следует за 1926 г. вычесть 11,2 пункта на падение серебра и к индексам 1925 г. прибавить 3,4 пункта на поднятие серебра. Таким образом получим:

Средний импортный индекс	1925 г.	111,3
„ „ „	1926 „	108,1
„ экспортный „	1925 „	131,0
„ „ „	1926 „	139,4

т.е. в конечном результате импортный индекс дает в 1926 г. реальное понижение против 1925 г., а экспортный дает повышение. Вследствие этого указанное выше благоприятное для хозяйства Монголии соотношение цен получает еще более яркое выражение, а приведенные выше цифры баланса наполняются реальным содержанием, говорящим о несомненном росте хозяйства.

Что касается 1927 г., то отмеченные в предыдущие годы тенденции экономики продолжали, при некоторых колебаниях, свое дальнейшее развитие. Первое полугодие могло даже вызвать слишком оптимистические представления о благоприятной конъюнктуре, так как имевшийся в 1926 г. так называемый „пятнистый голод“ на привозные товары почти не чувствовался, снабжение населения, благодаря принятым совхозорганизациями мерам, шло довольно нормально, и импортные цены вследствие этого начинали проявлять тенденцию к некоторому понижению, а сырьевые, сначала стабилизовавшись, начали понемногу подниматься. Но возобновление военных действий на востоке, в районе Сюй-Юаньской ж. д., вызвавших задержку в подвозе товаров со стороны Калган—Пекин—Тянь-Цзиня, исчерпание запасов чаев и некоторые организационные дефекты наших хозорганов в общей совокупности создали во втором полугодии перебои в снабжении рынка, что стало сказываться на росте цен привозных товаров, особенно китайских (табак-дунза, зеленый чай, китайская мануфактура).

Однако, на основании данных, приводящихся в „Известиях Улан-Батора“ и конъюнктурных бюллетенях Российско-Восточной торговой палаты и Совета съездов госторговли и промышленности, правда, не дающих сквозных сведений за все месяцы или же на все товары, все же можно полагать, что отрицательные явления на некоторых участках рынка, особенно с китайскими товарами, все же едва ли ослабили общий темп явно обнаружившихся благоприятных тенденций для сырьевого хозяйства Монголии. Этому содействовала также активная политика Монценкопа и Стормонга (Акц. Общ. по торговле СССР с Монголией), которая частью нейтрализовала рост импортных цен и, вместе с тем, способствовала внедрению соответствующих совтоваров и отрыву монголов от традиционных китайских товаров (далемба, табачные изделия и др.)

Все приведенные нами показатели, как-то: роста скота, абсолютного увеличения торгового баланса, изменений его структуры и внутренних соотношений его составных частей и, наконец, благоприятной конъюнктуры цен, — совершенно достаточны, для того чтобы сделать вывод о благоприятных итогах народного хозяйства Монголии за указанный период, — о медленном, но неуклонном развитии ее производительных сил, об увеличении и подъеме благосостояния населения. Наши выводы подтвержда-

ются, между прочим, довольно заметным ростом населения за эти годы, который разбивает легенду о „стационарности“ или даже вымирании монгольского народа.

Реорганизация денежной и кредитной системы

Монгольское хозяйство издавна осуществляло смычку с мировым хозяйством через китайских и русских купцов, которые беспощадно разоряли хозяйство арата двойной его эксплуатацией — торговли и кредитования. Иностранцы дореволюционные торговые фирмы можно было скорее рассматривать, как ростовщические банкирские конторы, которые выросли не из развитого денежного хозяйства, а напротив, явились плодом его отсталости и исключительной сезонности монгольской торговли. Естественные условия монгольского производства, небольшая товарность аратского хозяйства и особенно его сезонность благоприятствовали увеличению власти иностранного капитала в стране и объединению его торговой деятельности с „кредитной“. Дело в том, что арат или охотник-зверолов получает и реализует свои продукты в весенние и летние месяцы (шерсть, скот, масло, сурок) и в октябре заканчивает их продажу, а нужду в деньгах он имеет круглый год и поэтому он вынужден обращаться к кредиту до будущего сезона стрижки шерсти или реализации сурка.

Развитие ростовщического кредита на заре торгового капитализма не есть чисто-монгольское явление, но его чисто-монгольские формы отличались особенной жестокостью и эксплуатацией (стоимость кредита в 200—300%, круговая ответственность всего хошуна и вечная задолженность).

Факт нахождения торговли и кредита в руках иностранцев должен был, естественно, привести к внедрению в страну иностранных денег, что облегчалось отсутствием собственной денежной единицы.

Денежное обращение Монголии до последнего времени находилось в самом хаотическом состоянии, и только с приходом к власти революционного правительства начинают приниматься меры к регулированию денежного рынка, оздоровлению государственно-финансового хозяйства, реорганизации госбюджета, налогового дела и другие мероприятия, которые, в конечном счете, связаны с внесением порядка в денежную систему страны.

Неупорядоченность денежного обращения старой Монголии объяснялась, с одной стороны, переходным от первобытно-натуральных к товарно-денежным формам обмена и, с другой — попеременными влияниями иноземных валют, приходивших в Монголию на смену друг друга. Одно время рядом с натуральными „деньгами“ (овца, чай кирпичный) самое большее хождение имел китайский серебряный лан (весовая единица серебра в 36,3 г). Затем начал обращаться параллельно с ним русский серебряный и кредитный рубль (1900 г.), позднее мексиканский или китайский доллар („янчан“ — 1907 г.) и, наконец, советский червонец. Одновременно с этим обращалось слитковое серебро („гамбургское“ и „ямбы“). Обращались также и банкноты некоторых китайских банков (напр., Джун-Го-Юн-Хан). Все встречные и параллельные валютные влияния наслаивались одно на другое и образовали чрезвычайно сложный узор из разных комбинаций и создали хаос, который всячески мешал развитию нормального товарообмена. При таком положении не могло быть также

и речи о какой бы то ни было правильной системе кредита, что стали сознавать в Монголии еще ко времени революции 1911 г. (концессия Москвитину на открытие национального банка — 1911 г.). Задачу освобождения от чужеземного валютного влияния и правильной постановки кредитной и денежной системы выполнило республиканское правительство оно организовало единое кредитное учреждение совместно с дружественным Монголии СССР — эмиссионный монгольский торгово-промышленный банк, провело денежную реформу и создало свою валюту (тухрик).

Открывший свои операции 2 июня 1924 г. Монголбанк имел своей целью, согласно уставу, содействие развитию — торговли, промышленности, сельского хозяйства, внедрение в денежный оборот страны национальной денежной единицы и укрепление денежного обращения. Монголбанк действует уже 4 год, успешно развивается и заметно расширяет свои операции при помощи и поддержке советских банков (Госбанк, Дальбанк). Вот несколько цифр, характеризующих рост его кредитной деятельности к трехлетию его существования.¹

Основной капитал при открытии в 250 тыс. руб. превратился к весне 1927 г. в 1.500 тыс. руб. Очень заметно развились его активные операции. Так, за три года банком выдано всякого рода ссуд на 26 млн. тухриков,² которые по данным на 1 сентября 1927 г. были погашены на сумму в 19 млн. тухр. Задолженность банку в середине сентября составляла 8 млн. тухр. т.-е. выросла в 10 раз против задолженности по балансу на 1 января 1925 г. Для выяснения роли его операций для национального хозяйства, интересно указать распределение задолженности по характеру клиентуры (в ‰):

	На 1/I 1925 г.	На 1/I 1927 г.	На 1/IX 1927 г.
Монгольская группа . . .	48,5	55,8	59,5
Советская „ . . .	42,9	33,0	36,5
Частная „ . . .	8,6	11,2	4,0
	100,0	100,0	100,0

Здесь мы видим, что кредит монгольской группы увеличивается из года в год за счет остальной клиентуры.

Развитие пассивных операций банка тоже показывает большой рост. На 1 января 1925 г. остаток текущих счетов равнялся 300 тыс., а на 20 сентября 1927 г. он составлял около 2.700 тыс., т.-е. дал увеличение в 9 раз. При этом надо принять во внимание, что к моменту показания приведенных цифр на сырьевом рынке царит наибольшее оживление, и со стороны вкладчиков чувствуется наибольший спрос на деньги, а обратный приток средств в банк начинается только по окончании заготовительной кампании.

Движение балансов Монголбанка следующее (в тухриках):

На 1/I 1925 г.	1.620.867,50
„ 1/I 1926 „	6.207.620,26
„ 1/I 1927 „	9.224.529,71
„ 1/IX 1927 „	15.276.928,83

¹ Цифры приводятся по „Известиям Улан-Батор-Хото“, № 74—76, октябрь 1927 г.

² Первоначальный курс тухр. = 0,88 мексдолл.; начиная с окт. 1926 г. 1 тухр. = 1 мексдолл.

Общий оборот банка в 1925 г. составлял 179.436.117,28 тухр., а в 1926 г. он достиг цифры 388.119.490,50 тухр., т.е. дал увеличение на 113% против 1925 г.

Суммы переводных операций банка следующие: переведено банком в другие страны — 34.000 тыс. тухр.; выплачено банком по переводам на Монголию — 27.000 тыс. тухр.

Первая сумма — это платежи Монголии и выручка от товаров, завезенных в страну из-за границы. Принятые переводы — это поступившие в Монголию средства для платежей по монгольскому сырью. Пассивное сальдо по международным расчетам Монголии вызывается ее пассивно-торговым оборотом с Китаем (больше 4 млн. тухр. в год).

Эти общие цифры достаточно ясно говорят о роли Монголбанка для внутреннего и внешнего товарооборота страны и о его содействии развитию торговли. Монголбанк достаточно мощная в местных условиях организация, чтобы быть в состоянии оказывать воздействие на усиление элементов государственного капитализма (размеры кредитования Монценкопа доходят временами до 70% общей суммы продактивов) и содействие хозяйственному сближению и сотрудничеству с СССР, который вкладывает значительные суммы в хозяйство Монголии (в 1926 г. 4 млн. руб. валюты по переводным операциям).¹

Задачу по революционизированию форм торговли и ее кредитования Монголбанк проводил одновременно и соподчиненно с другой, чрезвычайно важной задачей по упорядочению денежного рынка и созданию национальной валюты. К проведению денежной реформы Монголбанк приступил 9 декабря 1925 г.

В специальном постановлении по поводу введения „своей денежной единицы“ мы читаем: „Банковые билеты выпускаются в денежной единице — тухрик. 1 тухрик содержит 18 грамм чистого серебра“ (п. II), банковые билеты должны быть обеспечены полностью, при чем не менее 25% их суммы должно быть обеспечено драгоценными металлами, а также устойчивой иностранной валютой. Банковые билеты размениваются банком на серебро. Ссуды банка правительству ограничены эмиссионным законом $\frac{1}{5}$ всей эмиссии и то при условии обеспечения ссуды металлом на 50%.

Вскоре после выпуска банкноты была также выпущена и серебряная монета — в 1 тухрик и в 50 мунго (0,01 тухрика).

Практика прошедших с момента начала эмиссии двух лет свидетельствует об осторожной и чрезвычайно сдержанной эмиссионной политике Монголбанка, несомненно укрепившей денежное обращение. Сопоставление балансов эмиссионного отдела с состоянием товарного рынка (сезонность, товарный голод или товарная насыщенность) и с конъюнктурой цен, а также сравнение движения эмиссии с движением активов и пассивов не вызывают сомнения в том, что эмиссия почти всегда отвечала фактической потребности рынка в наличных деньгах и показывает, что Монголбанк чрезвычайно чувствительно реагировал на малейшие подозрительные симптомы инфляционного характера.

Национальная валюта успела за два года занять крупные позиции в монгольском денежном рынке. Общую сумму денежной массы

¹ См. „Известия ЦИК СССР“, № 71 от 29/III 1927 г. Беседа с П. Никифоровым.

трудно установить вследствие новизны эмиссионного дела в стране и чужеземного происхождения всех прежних денег. По некоторым ориентировочным исчислениям, основанным на сумме общего оборота, степени распространения денежного обмена (50%), скорости обращения денег в монгольских условиях и т. п., определяют общее количество денежной массы в 10—15 млн. мексдолл. Принимая во внимание увеличение товарности и денежности за последние годы, вследствие заметного развития хозяйства, отмены оплаты налога натурой, увеличения доходности населения, мы склонны думать, что общая сумма денег приближается к большему пределу, — и доходит до 13 млн. В таком случае, национальная валюта (банкноты) составит на 1 января 1928 г. 56% всей денежной массы страны, так как, согласно балансу эмиссионного отдела, на 1/I 1928 г. выпущено банкнот на 6.757.809 тухр.¹ При учете также и серебряных тухриков участие тухрика в денежном обращении страны должно будет намного превышать указанный нами процент.

Проникновение тухрика в преобладающую часть товарооборота, изъятие огромной части обращавшихся раньше мексдолларов, высокое твердое обеспечение (на 1/I 1928 г. — 94,5%, оно не спускалось ниже 67%) и популярность национальной валюты в самых глухих углах Монголии приближают момент завершения денежной реформы и прекращения параллельного хождения двух валют (тухрик и янчан).

Одновременно с приближением момента превращения тухрика в единственную валюту становится возможной и реальной поставленная финансовой комиссией задача (от которой правительство при начале реформы отказалось) превращения тухрика по своей „основе в валюту золотую, так как входя самостоятельно в международный торговый оборот, Монголия должна принять и общепринятое международное средство расчета и на нем базировать свою денежную единицу“. ² Невыполнение этой задачи может ей принести, при связанности тухрика с мексдолларом и при колебаниях цен на серебро, значительные убытки при международных расчетах и неустойчивость на внутреннем рынке.

Самая трудная часть работы в области оздоровления денежной и кредитной базы проделана. За три года Монголбанк превратился в прочное кредитное учреждение, он поддержал значительными средствами кооперативную торговлю и хозяйство арата (с.-х. кредитование), привил населению кредитные навыки, укрепил денежное обращение, внедрил собственную валюту и подвел страну вплотную к завершению денежной реформы. Благодаря проделанной банком работе созданы предпосылки для дальнейшего его собственного развития и для оздоровления государственных финансов, построения твердого госбюджета и для независимого развития всего народного хозяйства в целом.

Организация и регулирование торговли

Одной из основных задач в революционной Монголии, почти с первых дней ее существования, было намечено вытеснение с рынка частного капитала. Внутренний рынок, через который проходит смычка монгольского хозяйства с мировым, привлекает к себе поэтому самое серьезное

¹ „Известия Улан-Батор-Хото“, № 4 (453) от 10/I 1928 г.

² „Хозяйство Монголии“, 1926 г., № 1, стр. 11.

внимание правительства. В общем торговля в стране развита слабо и носит на половину натурально-меновой характер (до 50%). При слабых зачатках национальной буржуазии, служащей посредницей между иностранными капиталистами (падзычиба), и местным аратским населением, главную и руководящую роль торговой буржуазии и сейчас выполняют иностранцы. Для борьбы с ними и для овладения рынком правительством был организован, как выше уже указывалось, еще в первые дни своего возникновения Монгольский Центральный Кооператив, нечто в роде нашего Госторга — организация, которая фактически осуществляет монопольные права государства в области торговли.

Монценкоп, насчитывающий всего 6 лет своего существования (основан 16/XII 1921 г.), несмотря на ограниченность своих собственных оборотных капиталов, на недостаток в культурных работниках, несмотря на крайне затруднительные для торговли условия, при огромной территории и невероятно плохих условиях связи и транспорта, проделал большую работу и успел значительно развить свои операции за короткий период своего существования.

Вот несколько цифр,¹ характеризующих развитие деятельности Монценкопа и показывающих колоссальный рост его операций (в мексдолларах):

Годы	Общий оборот	Заготовлено сырья	Продано товаров
1921/22 ²	30.000	14.000	15.700
1922/23	184.000	61.000	122.600
1923/24	1.506.000	747.000	758.600
1924/25	8.743.000	4.597.000	4.146.000
1925/26	9.972.000	4.849.000	5.133.000
1926/27	10.496.650	5.025.650	5.471.000

Для установления роли Монценкопа в общем товарообороте страны, автор цитируемых нами материалов исходит из той предпосылки, что общий торговый оборот страны, примерно, равен 40 млн. мексдолл. и выводит при этом следующие соотношения:

	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Общий оборот Монценкопа к торговому обороту страны (в %/о)	0,1	0,5	3,8	21,9	24,9	26,2
Участие Монценкопа в экспорте Монголии (в %/о)	0,1	0,3	3,7	22,2	24,2	25,1
Участие Монценкопа в импорте Монголии (в %/о)	0,1	0,6	3,8	20,7	25,6	27,3

Эта таблица показывает, как сильно выросла роль Монценкопа в товарообороте страны, в котором он занимает в начале 1927 г. больше четверти (27,3%). Надо думать, что общий оборот страны не равнялся во все годы одному и тому же количеству, что последние годы он до-

¹ „Труды и материалы V с'езда уполномоченных Монг. Центр. Народн. Кооператива“, стр. 2—3, 1927 г. Улан-Батор-Хото.

² Хозяйственный год Монценкопа — с 1 мая по 1 мая.

ходил, примерно, до 45 млн. мексдолл., но эти поправки почти не меняют удельного веса Монценкопа в общем обороте.

Для того чтобы охватить своими операциями четверть оборота страны, Монценкопу необходимо было развернуть колоссальную работу, спуститься в худоны (провинции) и пробраться в степь к пастуху, чтобы выбить оттуда кочующего китайского мелкого торговца (комиссионера, более крупного купца), хорошо приспособившегося к условиям монгольской жизни и умеющего проводить товар и купить сырье непосредственно у производителя.

Стремясь ослабить влияние частного капитала на монгольском рынке, Монценкоп не ограничивается одной только простой куплей-продажей, но ведет активную регулирующую политику. Своей политикой цен он поддерживает на известном уровне сырьевые цены, препятствует повышению цен на потребительские товары и в целях устранения комиссионеров-посредников организует кочующие палатки в хошунах.

Монценкоп ведет не только торговую деятельность, но имеет также предприятия по переработке на месте продуктов монгольского хозяйства; и по выработке фабрикатов он занимается также прививанием населению более культурных способов сбора, хранения и транспортирования сырья, что имеет большое значение для повышения качества и стоимости экспорта.

Таким образом, мерами своего вмешательства в частнохозяйственный оборот через Монценкоп, а также при помощи работающих в Монголии совхозорганов, правительство постепенно изгоняет иностранный хищнический капитал из страны. С монгольского рынка начинают понемногу уходить многие частные фирмы несмотря на чрезвычайно высокий процент прибыли, который они получали от покупки сырья путем выдачи авансов (так наз. „озадачивание“) и от отпуска товаров в кредит задолго до сезона сырьевых заготовок.

Между тем, освободиться от китайских торговцев мирным путем конкуренции не так легко. Некоторые китайские фирмы, работавшие столетиями в Монголии, например, знаменитая фирма Да-Шен-Ку из Куку-Хото (300 лет) или Со-Сун-Чан (200 лет) и др. вошли своими корнями в монгольское хозяйство, сумели путем сотен отделений и кочевых палаток связаться с хошунным и степным населением, создали известные традиции своими методами торговли и ассортиментом товаров, изучили до мелочей вкусы и привычки монголов.

Как отозвалась торговая политика новой Монголии на китайскую торговлю, можно судить по движению количества китайских фирм со времени активного выступления монгольских общественных и советских хозорганов на рынке.

Количество частных фирм¹

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Китайские частные фирмы	470	283	270
Английские „ „	7	10	5
Американские „ „	5	5	4
Германские „ „	1	3	1
Русские „ „	41	46	41
Всего фирм	524	347	321
В %/о	100	66	61

¹ „Хозяйство Монголии“, № 1 (7) 1927 г., стр. 29.

Таким образом, мы видим, что количество частных фирм все убывает из года в год, давая падение в 1926 г. на 39% против 1924 г. и освобождая место для организованной торговли. Уход китайских фирм с монгольского рынка происходит при этом несколько более усиленным темпом. Так, если принять число китайских фирм в 1924 г. за 100%, то в 1925 году они составляют 60%, а в 1926 г.—57%.

Борьба торговых путей (китайских и советских)

Уход китайских фирм с монгольского рынка объясняется регулирующей политикой не только со стороны Монценкопа. Ослабление китайского капитала вызывается и в равной мере сопровождается расширением деятельности на монгольском рынке совхозорганизаций, в общем мало чем отличающихся от Монценкопа по своим методам торговли и бережному отношению к интересам монгольского хозяйства. Они также стремятся приблизиться непосредственно к производителю скотоводческой продукции, поддерживают цены на сырье и снижают цены на промтовары. Заинтересованные в развитии хозяйства монгола, доставляющего сырье нашей госпромышленности, и в расширении его импортного рынка на промтовары, совхозорганизации в общем придерживаются той же торговой политики в Монголии, которую они проводят у себя, на советской родине, в отношении внутреннего с.-х. крестьянского рынка. Благодаря такой политике советский капитал принимает посильное участие в вытеснении частного с монгольского рынка и начинает занимать все больше места во внешнем товарообороте Монголии.

По данным Главного Таможенного Управления НКТ движение товарооборота Монголии и СССР с 1924 г. представляется в следующем виде (предыдущие годы, вследствие ненадежности двустороннего оборота, непоказательны):

Г о д ы	Экспорт из Монголии в СССР (тыс. руб.)	В % к 1924/25 г.	Импорт в Монголию из СССР (тыс. руб.)	В % к 1924/25 г.	Общий товарооборот (тыс. руб.)	Изменение в % к 1924/25 г.
1924/25	3.583	100,0	2.769	100,0	6.352	100,0
1925/26	3.735	104,2	3.670	132,5	7.405	116,5
1926/27	7.533	210,8	4.633	167,3	12.186	191,8

Эта табличка показывает, что общий товарооборот Монголии с СССР вырос почти вдвое, при этом больше всего вырос монгольский экспорт (на 110,8%), но весьма заметно вырос и импорт (на 67,3%).

Что касается дальнейшего развития советско-монгольских отношений, то в текущем году, по данным ГТУ они еще более укрепились и дают дальнейший рост общего товарооборота.

Однако, без выяснения удельного веса монголо-советской торговли в общем обороте Монголии еще нельзя делать никаких выводов о действительном сдвиге на этом участке монгольского рынка. Увеличение абсолютных цифр советско-монгольской торговли, при параллельном ро-

сте оборота Монголии, может, само собой разумеется, быть совместимо, с неизменностью роли частного — иностранного капитала в Монголии.

Сопоставить цифры монгольского торгового баланса и советско-монгольского товарооборота мы лишены возможности, вследствие несовпадения сроков календарного и операционного годов, на которые эти цифры приводились выше (балансы Монголии и советско-монгольского товарооборота). Но достаточно беглого взгляда на таблицы рассматриваемых цифр, чтобы прийти к выводу о том, что темп роста нашего товарооборота с Монголией сильнее темпа роста торговых балансов (товарооборот вырос за 1924/25 — 1926/27 гг. на 92%, а балансы за 1924—26 гг. на 11%). А это означает, что наше участие во внешней торговле с каждым годом увеличивается не только абсолютно и что нам удается из года в год постепенно занимать новые участки и замещать собою вытесняемый с рынка иностранный ростовщический капитал.

Иллюстрировать это положение можно достижениями из экспорта и импорта отдельных товаров. В 1926/27 г. мы имели общее увеличение стоимости экспорта сырья (по таможенной оценке) из Монголии к нам на 102%, при этом на шерсть приходится +140%, пушнину +77%, животные +300%. Если судить не по данным таможен о прошедших через них товарах, а по материалам заготовлявших организаций, то получится еще более резкое увеличение и еще больший охват нами сырьевого рынка. Так, в летний сезон 1927 г. совхозорганизациями было заготовлено (отправка закончится лишь во II квартале 1927/28 операционного года) овечьей шерсти всего 6,6 тыс. тонн из 7,5 тыс. тонн общего выхода овечьей шерсти, т.-е. около 90% всего выхода ее в 1927 г. Подобное же положение имело место и с заготовками пушнины, где мы участвовали на 43%, а англо-американские фирмы (обычно 75%) понизили свое участие до 45%. Еще более резкое повышение процента получилось с заготовками скота.

Что касается нашего импорта в Монголию, то он также увеличился, хотя и не в такой степени, как экспорт. Так, завезенная нами мука поднялась в 1926/27 г. по своей стоимости против 1925/26 г. на 42%, сахар, успешно начавший вытеснять японский сахар, на 65%, табак и папиросы — на 263%, бумажные ткани — на 75% и т. д. Наша далемба, наконец, начала охотно приниматься монголами и, очевидно, имеет большие перспективы распространения и замены китайской и японской далембы; постепенно начинает вытесняться и цуемба и заменяться нашей бязью.

Все эти цифры отражают рост нашего удельного веса в общем обороте и в то же время они должны расцениваться, как признак расширения государственного сектора на монгольском рынке. По некоторым исчислениям, советский капитал в истекшем 1927 г. охватил до 25% общего оборота Монголии. В таком случае можно считать, что монголо-советским капиталом совместно охвачено до 50% общего оборота страны.

П. Никифоров (полпред СССР в Монголии) в следующих цифрах определил наше участие по внешнеторговому обороте Монголии. По его словам, оно выражалось:¹

¹ „Известия ЦИК СССР“, № 71 от 29/III 1927 г.

	В тыс. руб.	В ‰ к общему обороту Монголии
1924 г.	5.326	17
1925 „	9.546	19
1926 „	17.108	29

Несоответствие этих цифр с приведенными нами данными Главного Таможенного Управления объясняется отчасти тем, что Никифоров под „внешнеторговым оборотом“ понимает „платежный баланс“ и включает таким образом в него и валюту, ввезенную нами в Монголию в качестве погашения нашего пассивного сальдо и отчасти также расхождением сроков операционного года со сроками прохождения товаров через границу. Эти цифры, однако, достаточно определенно указывают на рост нашего удельного веса в товарообороте Монголии.

По его словам, „Монценкоп и советские организации занимают 49‰ всего внешнеторгового оборота Монголии, остальные 51‰ находятся в руках китайцев, англичан и американцев“. Более детальное распределение капиталов по импорту и экспорту за 1926 г. видно из следующих цифр (в ‰):¹

	Импорт	Экспорт	Весь оборот
Монгольские и советские организации	41,6	55,8	48,6
Частный иностр. капитал	58,4	44,2	51,4
	100,0	100,0	100,0

По данным завоза товаров в Монголию и увеличения вывоза сырья в СССР можно полагать, что установленное процентное соотношение в 1927 г. еще более благоприятно для монголо-советского капитала, который, пожалуй, уже немногим больше частно-капиталистического сектора. Это объясняется как дальнейшим развитием деятельности Монценкопа, так и расширением операций советской торговли в Монголии — большим охватом сырьевого рынка (шерсть, скот, пушнина) и внедрением советских потребительских товаров, заменяющих традиционные китайские и японские товары (далемба, папиросы и табачные изделия, бязь, мука, сахар и др.).

Дальнейшему усилению наших торговых связей в самое последнее время особенно будут содействовать упорядочение организационной стороны нашей хозработы, устранение с монгольского рынка многих, подчас конкурировавших друг с другом советских организаций (акц. общ. „Шерсть“, Всесоюзный текстильный синдикат, Кожсиндикат, Сибгосторг, Нефте-синдикат, Комчасть Торгпредства) и объединение всей экспортно-импортной работы в одной организации — Акционерном обществе по торговле СССР с Монголией (Стормонг) с солидным для монгольских условий основным капиталом в 1.500.000 руб. Стормонг, открывший свои операции еще в июле истекшего года, представляет достаточно мощную в финансовом отношении и с хорошо слаженным аппаратом организацию, работающую в полном контакте с Монценкопом.

Параллельно с процессом вытеснения иностранного капитала, в котором принимают совместное оперативное участие и монгольский и советский капитал, укрепляется и смычка между деятельностью хозорганов

Монголии и СССР, подводящая твердую базу под дружественные отношения обоих соседних государств. Это усиление хозяйственных связей приводит к постепенному отклонению традиционных торговых путей Монголии в сторону своей пролетарской союзницы. Вместе с этим уменьшается из года в год и роль китайского пути Урга—Калган—Пекин в торговом обороте Монголии за счет увеличения роли основного советско-монгольского пути—Урга—Кяхта—Верхне-Удинск.

Все показатели народного хозяйства Монголии свидетельствует о здоровых внутренних тенденциях его развития. Проведенные реформы денежного и кредитного дела, укрепление Монголбанка, рост государственного и общественного капиталов (монгольского и советского) показывают, что с каждым годом все меньше остается места и функций для деятельности частного торгового капитала с иномземным хищническим влиянием.

Монголия неуклонно идет по пути независимого и свободного развития. Для ускорения темпа этого развития необходимо еще большее отклонение торговых путей в сторону СССР и установление еще более тесных советско-монгольских торговых взаимоотношений, основной установкой которых является содействие скорейшему превращению Монценкопа в мощную организацию, которая будет в состоянии сама справиться с задачей овладения всей торговлей страны и не будет вследствие этого нуждаться в присутствии Стормонга на территории Монголии для усиления элементов госкапитализма.

¹ „Хозяйство Монголии“, № 1 (7), 1927 г., стр. 29.